

СПОНТАННОСТЬ — НЕСПОНТАННОСТЬ КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

§ 107. СПОНТАННАЯ РЕЧЬ — РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ — УСТНАЯ РЕЧЬ

Выше, в § 40, мы выдвинули положение, что синтаксические структуры бывают преимущественно приурочены либо к устной, либо к письменной речи и в соответствии с этим обладают особой стилистической характеристикой (компонентом стилистического значения) — спонтанностью или неспонтанностью. Эта характеристика, очевидно, должна быть приложима и к стилю сообщения: если наше положение правильно, то всякое сообщение может быть охарактеризовано как спонтанное или неспонтанное (более или менее спонтанное).

Для того чтобы доказать это и в конечном счете выявить и описать модели, отмеченные спонтанностью или неспонтанностью, мы поступим так же, как в предыдущей главе: начнем не с языка, а с речи и при этом постараемся использовать данные смежной дисциплины — психолингвистики.

Но прежде всего необходимо определить понятия. Если спонтанность и неспонтанность связаны с «устностью» и «письменностью», то какой смысл вводить новые термины? С другой стороны, в лингвистике издавна существует такое понятие, как разговорная речь; как в таком случае спонтанность соотносится с «разговорностью»?

На второй вопрос можно ответить коротко: с нашей точки зрения, «типичная» разговорная речь — та, которая описывается большинством исследователей, занимающихся ею¹, — характеризуется сочетанием трех признаков: спонтанности, эмоциональности и большей или меньшей стилистической сниженности, ненормативности (см. таблицу в § 42) — последнее определяется тем, что для разговорной речи в общем характерна непринужденность общения.

¹ См.: например: Русская разговорная речь / Е. А. Земская. — М.: Наука, 1973; Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. — М.: Просвещение, 1974; Шигаревская Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи; Теория и практика лингвистического описания разговорной речи // Сборники статей. — Горький: Изд-во Горьковского гос. пед. ин-та иностр. яз. им. Н. А. Добролюбова, 1966, 1968, 1972, 1974, 1976; Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. — М.: Наука, 1976.

Что касается первого вопроса, то по этому поводу надо сказать следующее. Устная и письменная форма реализации речи — критерий формальный. Устная речь включает в себя жанры не только весьма различные, но иной раз и прямо противоположные по своим стилистическим и общелингвистическим характеристикам, например, с одной стороны, бытовую разговорную речь, а с другой — научный доклад, лекцию, судебную речь и т. д. Именно поэтому Балли настаивал на необходимости различать «подлинную» и «неподлинную» устную речь. По его мнению, такие устные жанры, как лекция, доклад и т. п., на самом деле относятся не к устной, а к письменной речи¹. Подлинно устная речь, согласно Балли, — это в общих чертах то, что мы сегодня называем разговорной речью.

Однако целиком принять эту точку зрения мы не можем. Дело в том, что в речевой практике встречаются такие жанры, которые нельзя отнести ни к письменной, ни к разговорной речи. Вряд ли можно считать, например, неподготовленное интервью перед микрофоном или телекамерой подлинно разговорной речью — полной непринужденности тут все-таки не бывает. В то же время такое интервью несомненно отличается от устно реализуемого, но заранее подготовленного высказывания. Не случайно, слушая радио или глядя телепередачу, мы безошибочно можем отличить действительно неподготовленную, спонтанную беседу от заранее составленной и более или менее отрепетированной. Таким же образом лекция в свободной, импровизационной манере отличается от читаемой по готовому тексту.

Все эти соображения приводят к мысли о целесообразности для стилистики заменить оппозицию «устная речь — письменная речь» классификационной парой «спонтанная речь — неспонтанная речь». Мы будем считать, что спонтанная речь — это речь заранее не подготовленная, такая, когда говорящий, начиная фразу, толком не знает, чем и как он ее кончит. А неспонтанная речь — речь подготовленная, не обязательно заранее написанная, но заранее составленная, хотя бы мысленно. Спонтанность как экстралингвистическое свойство речи — это отсутствие «черновика», как внутреннего, так и, само собой разумеется, внешнего, написанного на бумаге.

Мы будем считать также, что спонтанность и неспонтанность как характеристики способа порождения речи придают ей определенные лингвистические качества, которые воспринимаются как стилистические характеристики, несущие определенную прагматическую информацию — информацию о способе порождения речи и отношении субъекта к своему сообщению.

Спонтанная речь не совпадает ни с разговорной, ни с устной, а неспонтанная не совпадает ни с книжной (которая обычно противопоставляется разговорной), ни с письменной. Не всякая устная речь спонтанна, но, видимо, всякая письменная речь

¹ Балли Ш. Французская стилистика. — С. 259—260.

неспонтанна. Письмо снимает спонтанность, поскольку фиксация высказывания в письменной форме занимает значительно больше времени, чем его проговаривание, внутреннее или внешнее. Пишущий человек, как правило, обдумывает заранее если не всю фразу, то хотя бы ближайший ее «блок», мысленно порождает несколько вариантов и фиксирует тот, который представляется наилучшим.

Таким образом, спонтанная речь — понятие более узкое, чем устная (всякая спонтанная речь порождается устно, но не всякая устная спонтанна), а неспонтанная — понятие более широкое, чем письменная (неспонтанная речь может быть порождена и устно, но всякая письменная — неспонтанна).

§ 108. СПОНТАННОСТЬ — НЕСПОНТАННОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ

Если считать, что процесс порождения всякой речи проходит этап внутреннего программирования (см. выше, § 97), то, очевидно, спонтанность можно определить как практическую одновременность лексико-грамматического развертывания внутренней программы и реализации высказывания в той или иной материальной форме. В таком случае неспонтанность характеризуется тем, что развертывание внутренней программы, оформление фразы «для себя» более или менее существенно опережает ее реализацию «для других»; т. е. неспонтанной речи предшествует своего рода черновик в форме более или менее полного «внутреннего проговаривания».

Из этого определения вытекает, что степень спонтанности высказывания может быть различной — между полной спонтанностью и полной неспонтанностью лежит целая гамма промежуточных ступеней, поскольку, теоретически рассуждая, развертывание лексико-грамматической программы высказывания может опередить реализацию моторной программы на большее или меньшее число «тактов». И действительно, наш повседневный опыт свидетельствует о том, что речь может быть более или менее подготовленной — не только с точки зрения ее смысловой структуры, но и с точки зрения конкретных формулировок; как отмечает А. А. Леонтьев, некоторые слова, словосочетания, синтагмы могут присутствовать в готовом виде еще до начала высказывания¹. Такие более или менее развернутые и регулярно воспроизводимые речевые заготовки (клише) свойственны, по-видимому, в первую очередь специализированной и профессиональной речи — речи журналистов, радиокомментаторов, лекторов, юристов и т. п.² Можно также предположить, что с возрастом степень

¹ Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. — С. 214.

² В этой связи полезно вспомнить рассказ Карела Чапека «Эксперимент профессора Роусса». Профессор Роусс, американец чешского происхождения, публично проводит психологический эксперимент: методом свободных словесных

спонтанности речи в целом уменьшается, поскольку субъект накапливает все больший и больший запас стереотипных речевых реакций на самые разные жизненные обстоятельства.

Спонтанная речь может осуществляться как в монологической, так и в диалогической форме. Вообще противопоставление диалога монологу в известной степени условно, поскольку реплики участников диалога бывают достаточно развернутыми, и тогда каждую из них можно рассматривать как своего рода микромонолог.

§ 109. ОБЪЕКТИВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ

Итак, мы исходим из гипотезы, что строй как спонтанной, так и неспонтанной речи определяется условиями ее порождения. Очевидно, что в момент начала развертывания лексико-грамматической программы высказывания говорящий еще не располагает ни готовой синтаксической схемой высказывания, ни исчерпывающим набором лексических единиц, которыми эта схема будет заполнена. Как пишет об этом А. А. Леонтьев, «синтаксическая структура высказывания не задана с самого начала или задана лишь частично и достраивается только в процессе генерации высказывания»².

Но при спонтанном порождении каждое найденное на уровне лексико-грамматического программирования слово сразу становится словом произнесенным. Спонтанная речь непосредственно отражает процесс первоначального развертывания лексико-грамматической программы, его самый первый, черновой вариант, тогда как неспонтанная дает вариант обработанный, отредактированный (ср. § 97).

Порождение речевого высказывания (если оно не речевой штамп) — дело трудное, как всякое линейное развертывание первоначально нерасчлененного сложного замысла. Общая трудность заключается в том, что на каждом шаге развертывания каждая очередная единица порождаемой цепи должна удовлетворять одновременно и общему замыслу, и более или менее формальным требованиям уже сформулированной части предложения, в которых непосредственно воплощаются правила грамматики данного языка. Найти нужное, т. е. максимально адекватное замыслу слово, уже бывает нелегко, в особенности если

ассоциаций он определяет характер и даже угадывает секреты испытуемых. Опыт проходит вполне успешно — с помощью своего метода профессору даже удается разоблачить убийцу — до тех пор, пока в качестве подопытного кролика не оказывается некий субъект из публики, который на каждое предлагаемое ему слово-стимул мгновенно отвечает целым фонтаном цветистых штампов (например: «Рука. — Братская рука помощи. Рука, держащая знамя. Крепко сжатый кулак. Нечист на руку. Дать по рукам»). В итоге оказывается, что этот субъект — журналист, и профессор вынужден сложить оружие: в данном случае его метод бессилён.

² Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. — С. 213.

речь идет о вещах сколько-нибудь сложных и трудно поддающихся определению. Но это еще не все, так как найденное слово необходимо ввести в упорядоченную и уже частично порожденную речевую цепь, придав ему строго определенную грамматическую форму (подробнее об этом см. § 111).

Об этих семантических и синтаксических трудностях порождения высказывания наглядно свидетельствуют наши черновики и вообще все многочисленные случаи, когда говорящий (или пишущий) терпит хотя бы частичную неудачу в своей попытке построить вполне соответствующее замыслу и грамматически правильное высказывание. По мнению А. А. Леонтьева, в случае, если говорящему не удастся добиться соответствия между намеченной синтаксической схемой и замыслом (программой) — или, добавим от себя, между намеченной схемой и уже порожденным отрезком высказывания, — «приходится вернуться к исходному слову и, приписав ему иную синтаксическую характеристику, тем самым произвести трансформацию прогнозируемой схемы»¹.

В спонтанной речи нельзя зачеркнуть неудачное начало фразы, «взять слово назад» — надо или попытаться подогнать продолжение под уже сказанное, или же отбросить сказанное и начать строить фразу заново. При этом говорящему некогда раздумывать, перебирать возможные варианты: спонтанная речь всегда протекает в условиях дефицита времени; молчать, как правило, нельзя, поскольку молчание воспринимается как нечто ненормальное, как знак нежелания вступить в общение или продолжать общение². Отсюда, в частности, и такое характерное для спонтанной речи явление, как «слова-затычки», функция которых — заполнить паузу колебания, дать дополнительное время для принятия решения.

В противоположность спонтанной, неспонтанная речь, отсрочивая непосредственную реализацию высказывания, снимает, отфильтровывает перебои и шероховатости, вызванные трудностями порождения. Неспонтанная речь позволяет вернуться назад, исправить неудачное звено: для этого, как правило, у субъекта речи есть время и материальные возможности, равно как и социально-психологический стимул: отношение человека к написанному слову (или к устному слову, предназначенному для произнесения в сугубо официальной обстановке) характеризуется значительно большей мерой ответственности, чем к спонтанной речи.

¹ Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. — С. 211.

² Между прочим, это обстоятельство недостаточно учитывается в практике преподавания иностранных языков: преподаватели нередко мирятся с долгими тягостными паузами в речи учеников, во время которых последние мысленно строят черновик будущей фразы, вместо того чтобы попытаться произвести ее спонтанно.

Как указывал Л. С. Выготский, для письменной речи характерны «обдумывание, борьба мотивов, выбор»; письменная речь — это «сложное волевое действие..., связанное с сознательностью и намеренностью»¹.

§ 110. «РЕЧЕВОЙ БРАК» ИЛИ ВНЕШНИЕ СВОЙСТВА СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Трудности, возникающие в процессе порождения, непосредственно отражаясь в спонтанной речи, придают ей ряд черт, которые с точки зрения нормативного синтаксиса представляют собой «речевой брак». Перечислим важнейшие случаи такого рода.

1. Перебои в синтаксической структуре фраз, являющиеся результатом изменения синтаксической схемы высказывания уже в процессе реализации:

а) незавершенные, брошенные на полдороге конструкции или сегменты конструкций: «Скажите, а у вас там народу... транспорт очень перегружен?»; «Я-то... мне очень хотелось, намерение такое имел, навестить ее хоть разок»; «Более бездарного я... безвкусно, не чувствуя слова, не чувствуя ритма, ни стиха, ничего»; *Nous sommes donc... nous vivons notre idéal totalement; Vous savez, essentiellement, dans ce métier, pour amuser les gens, il faut s'amuser soi-même. Sinon, ce n'est même pas... on ne peut pas le faire, c'est pas possible; Pour le roman aussi, c'est la même chose, vous savez, pour un jeune... c'est... c'est terrible d'être jeune pour débiter, ça c'est effroyable...*

Mais à ce moment-là, Martine fait son piano. Puis tout le monde entre, tout le monde sort. Ou bien il faut... Il faut... On met le couvert. On fait... J'ai aucun... aucun coin pour travailler... Après le dîner.

В лингвистике такие нарушения формально-синтаксической связи между элементами предложения называются **анаколуфами**.

б) заранее незапланированные говорящим «добавочные» конструкции, которые вклиниваются между компонентами основной или добавляются к уже законченной фразе: «В больницу, зуб болит, еду»; «А потом... у нас ведь все время, у нас печка-то не сломана, и все время труба открыта»; *Et quand ce synopsis est fait, c'est mon plus gros travail, je le donne à N...; Si l'envie vous prenait aujourd'hui d'écrire un roman, vous partiriez avec un handicap. Justement à cause de votre nom...*

2. Перебои, вызванные поиском нужного слова, но не приводящие к изменению или частичному разрушению конструкции:

¹ Выготский Л. С. Мышление и речь // Избранные психологические исследования. — М.: Изд-во МГУ, 1956. — С. 363.

а) «хезитации», выражающиеся в паузах, заполняемых или не заполняемых «словами-затычками» (как вам сказать, как это называется, comment dire, comment dirais-je, enfin и т. п.), или «мычанием» типа «э-э-э...», «heu...», или, наконец, повтором предыдущего слова: Mais il est certain que c'est une... une... une vie très, très aventureuse. «Не были ли это все-таки... э... хохмочки... слушающих?»¹;

б) нагромождения однородных членов-синонимов, т. е. перебор синонимического ряда с целью выбора нужного слова, производящийся непосредственно в речи: Seulement, j'ai envie de la trouver, l'idée. Et quand elle vient, je suis content, je suis passionné, parce que j'ai pu la trouver, et tout. Par contre, si je m'ennuyais à le faire, si c'était un devoir... je ne pourrais pas, ça ne serait pas pensable!

Характерно, что многие из приведенных примеров — в частности последний, а также «Более бездарного я... безвкусно, не чувствуя слова...», «... pour un jeune... c'est terrible d'être jeune pour débiter, ça c'est effroyable...» и некоторые другие — могли бы быть приведены в предыдущей главе как типичные для эмоциональной речи. Вообще указанные здесь синтаксические аномалии спонтанной речи во многом совпадают с теми, которые характерны для эмоциональной. Это не должно нас смущать, поскольку источник у них один: неполная обработка высказывания на этапе лексико-грамматического программирования, значительно менее строгий контроль говорящего за построением высказывания. Эмоциональность и спонтанность не противостоят друг другу: всякая подлинно спонтанная речь более или менее эмоциональна, а сильная эмоция обнажает черты, свойственные спонтанной речи.

Перечисленные свойства спонтанной речи можно назвать *внешними*: они легко доступны наблюдению и непосредственно сигнализируют спонтанность. Не случайно именно эти черты наиболее подробно описаны в лингвистической литературе, в частности, в исследованиях, посвященных синтаксису разговорной речи.

Любопытно, однако, что в повседневном общении мы их чаще всего не замечаем — ни в собственной речи, ни в речи собеседников. Причина этого ясна: такие «ошибки» в большей или меньшей степени свойственны всем, за очень редкими исключениями. Рискнем высказать в этой связи одну мысль, которая может показаться еретической: не следует ли более терпимо относиться к синтаксическому построению иноязычной речи наших учеников на занятиях? Не парализуем ли мы их речевую деятельность, требуя от них безукоризненного построения фразы? Ведь и говоря на родном языке, мы строим наши

¹ Русские примеры заимствованы у Т. Г. Винокур, В. Ф. Егорова и О. Б. Сиротининой.

фразы далеко не безупречно. Но тут необходима одна существенная оговорка: мы, видимо, можем терпимо относиться к синтаксическим погрешностям речи учащихся только в том случае, если эта речь поддержана соответствующей интонацией; а соответствующая интонация возникает лишь тогда, когда речь психологически мотивирована.

§ 111. СИНТАКСИС СПОНТАННОЙ РЕЧИ И ОБЪЕМ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ПАМЯТИ

Но описанные внешние черты спонтанного синтаксиса — это не все и даже не самое главное, что отличает его от неспонтанного. Наряду с ними синтаксису спонтанной речи присущи некоторые внутренние особенности, некоторые ограничения, накладываемые на сложность синтаксической конструкции фразы условиями спонтанного порождения высказывания. В силу того, что спонтанность усугубляет общие трудности порождения, сама установка говорящего в таких условиях должна быть направлена на то, чтобы упростить себе задачу.

При этом нужно думать и об адресате речи, о том, чтобы облегчить ему восприятие, — очевидно, то, что порождается легко, имеет больше шансов быть адекватно воспринятым на слух, чем конструкция, вызывающая затруднения для самого говорящего.

Простые конструкции порождаются и воспринимаются легче, чем сложные. То, что разговорная речь, в особенности диалогическая, оперирует главным образом простыми и короткими предложениями, является прописной истиной¹. Но переносить ее на спонтанную речь вообще вряд ли было бы правильно. Наблюдения над некоторыми жанрами спонтанной речи, характеризующимися сравнительно большой длиной высказывания, показывают, что спонтанной речи не чужды сложные и достаточно длинные предложения, не только сложносочиненные, но и сложноподчиненные, нередко с многостепенным подчинением. Так, в обследованных нами французских спонтанных текстах (неподготовленные интервью на радио) сравнительно нередко встречаются фразы по 7, 8, 9, и 10 предложений, а количество степеней подчинения порой доходит до 4. Приведем один пример:

C'est un peu de l'avant-garde, oui, puisque le cardinal Simoëns qui, comme vous le savez, est un cardinal en pointe, écrivait tout récemment qu'il devrait se passer dans les villages de l'Europe ce qui se passe pour le maire, c'est-à-dire, que lorsque un maire meurt ou donne sa démission, on fait des élections, on en élit un autre.

¹ Об этом см., например: Морен М. К., Тетеревинова И. Н. Цит. соч. — С. 19—21.

Во фразе 10 предложений и 4 степени подчинения.

Очевидно, спонтанной речи (во всяком случае, спонтанной речи взрослого интеллигентного человека) противопоказана не всякая сложность, а лишь какие-то определенные ее типы. Спонтанная речь допускает лишь такое усложнение конструкции, которое не приводит к перегрузке непосредственной памяти.

Для того чтобы построить синтаксически правильное предложение, мы должны держать в голове некоторое количество сведений о уже порожденной его части. Предположим, что нам надо устно составить фразу: *Ceux qui s'appliquent trop aux petites choses deviennent ordinairement incapables des grandes.* (*La Rochefoucault*). Мы благополучно дошли до слова *choses*; дальше, согласно нашему замыслу, надо ввести глагол *devenir*, тоже благополучно найденный. Но для того чтобы употребить его в соответствующей грамматической форме, т. е. согласовать с подлежащим, нужно помнить это подлежащее, помнить, в частности, что мы употребили его во множественном числе, — сказали *ceux*, а не *celui* (что в данном контексте тоже было бы вполне возможно). Так же обстоит дело и с самым последним словом — *grandes*: нужно помнить, что оно относится к ранее произнесенному *choses*.

Но так же обстоит дело с почти любым словом во фразе: чтобы употребить его к месту и в соответствующей форме, нужно помнить, к чему оно относится, с чем и как связано. Именно это мы имели в виду, когда говорили в § 109, что найденное слово необходимо ввести в упорядоченную и уже частично порожденную речевую цепь.

Сведения, которые надлежит запомнить при построении фразы, называют грамматическими обязательствами. Так, произнося в начале фразы *ceux*, мы берем на себя следующие обязательства: 1) ввести в предложение относительное местоимение (*qui* или *que*) либо частицу (*là* или *ci*), потому что без того или другого *ceux* не употребляется; 2) найти сказуемое придаточного предложения, вводимого относительным местоимением; 3) согласовать сказуемое придаточного с подлежащим *ceux*; 4) ввести сказуемое главного предложения; 5) согласовать сказуемое главного предложения с подлежащим.

Таким образом, трудности порождения речи, о которых мы говорили выше, связаны не только с нахождением нужных слов, но и с удержанием в памяти грамматических обязательств. Обязательства надо помнить для того, чтобы их выполнять, — без этого правильную фразу не построишь. В том случае, когда фраза строится письменно, серьезных трудностей не возникает: если что-нибудь забыл, перечитай написанное. Процесс порождения имеет здесь материальную опору в графике. В спонтанной речи такой опоры нет — надо все держать в голове. Причем помнить надо не только смыслы, но и сами слова и их формы, т. е. основные узлы лексико-грамматической структуры в целом.

В психологии различают по меньшей мере два вида памяти: долговременную, которая заведует запоминанием смыслов, и непосредственную, которая регистрирует те элементы, которые необходимо иметь «под рукой» для успешного осуществления какой-то операции, в той самой форме, в какой они были восприняты, — в нашем случае, слова и их грамматические формы.

Объем непосредственной памяти ограничен — это было доказано экспериментально. Он равен в среднем семи единицам; точнее, по данным Дж. Миллера, 7 ± 2^1 . Кроме того, единицы, фиксируемые непосредственной памятью, сохраняются в ней лишь ограниченное время. Таким образом, чем меньше грамматических обязательств надо удерживать в голове одновременно, и чем меньше срок, в течение которого их надо удерживать, тем легче порождается и воспринимается фраза. Поэтому спонтанная речь допускает лишь такое усложнение конструкций, которое не приводит к существенному увеличению числа грамматических обязательств и (или) к более или менее значительной отсрочке их выполнения.

§ 112. ДИСКРЕТНЫЕ И НЕДИСКРЕТНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

Но какие конструкции приводят, а какие не приводят к увеличению числа обязательств и отсрочке их выполнения? Возьмем для начала русский пример, надо думать, известный читателю:

Вот пес без хвоста,
Который гоняет и треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме, который построил Джек.

(Маршак)

Это сложноподчиненное предложение с пятью (!) последовательными ступенями подчинения. Однако, несмотря на свою сложность, никаких трудностей для восприятия оно не представляет. Объясняется это тем, что все грамматические обязательства здесь тут же, без отсрочки, выполняются и новые берутся только после того, как старые выполнены. Для того чтобы породить или воспринять на слух второе, третье, четвертое и пятое предложения, нам нет необходимости держать в оперативной памяти предыдущие. Именно поэтому после каждого предложения фразу можно остановить: «Вот пес без хвоста.

¹ Миллер Дж. Магическое число семь плюс или минус два // Инженерная психология. — М.: Прогресс, 1964.

Вот пес без хвоста, который гоняет и треплет кота» и т. д. Такие конструкции можно назвать членимыми, или, как говорят, дискретными. Мы не хотим сказать, что эта фраза спонтанна; но в ее синтаксической структуре нет ничего, что противоречило бы спонтанности.

Теперь преобразуем эту фразу следующим образом: «Пшеница, которую синица, которую кот, которого пес без хвоста гоняет и треплет, пугает и ловит, часто ворует, хранится в темном чулане в доме, который построил Джек». Такую фразу трудно понять даже тогда, когда видишь ее написанной — она является предельно «громоздкой». Причина этой громоздкости в том, что грамматические обязательства сначала накапливаются, а потом начинают выполняться одно за другим. При этом все предложения построены по одной модели: подлежащее — сказуемое — прямое дополнение; а в трех предложениях из пяти подлежащее — живое существо. Для того чтобы понять, кто кого гоняет, треплет, пугает, ловит и кто что ворует, надо держать в памяти всю лексико-грамматическую структуру всей предыдущей части фразы. Такая фраза построена как «матрешка» — путем вложения предложений одно в другое, а не путем последовательного присоединения предложений друг к другу («как поезд»), поэтому ее нельзя остановить на полпути: точку можно поставить только после «в темном чулане». Она недискретна.

Конечно, такие сложные фразы в речи практически не встречаются; но менее сложные, образованные путем двукратного или однократного вложения, в письменных текстах достаточно часты.

L'oncle Octave, sans cesse la cherchant du regard, et parlant beaucoup, contre sa coutume, avait au menton, faite d'une main trop émue ce matin quand il s'était rasé, ce que ma grand-mère appelait une bonne estafilade, qui saignait. (*Cabanis*)

Здесь мы имеем по существу двукратное вложение: развернутый причастный оборот *faite d'une main...* вложен в главное предложение, а в причастный оборот вложено временное придаточное *quand il s'était rasé*. Кроме того, группа подлежащего распространена двумя деепричастными оборотами, отделяющими подлежащее от сказуемого и, следовательно, задерживающими выполнение обязательств. В результате фраза недискретна: остановить ее можно только на слове *estafilade*. Но и без анализа мы ощущаем, что это фраза книжная, типично неспонтанная. Сделать ее дискретной и тем самым более приемлемой для спонтанной речи можно было бы так:

L'oncle Octave la cherchait sans cesse du regard et parlait beaucoup contre sa coutume. Il avait au menton une bonne estafilade, comme disait ma grand-mère,

qu'il s'était faite ce matin en se rasant, parce qu'il était trop ému. Cette estafilade saignait.

Даже сравнительно простая фраза из Ларошфуко, которую мы использовали в предыдущем параграфе, не характерна для спонтанной речи, потому что откладывает, хотя и ненадолго, выполнение грамматических обязательств, связанных с подлежащим. В устной спонтанной речи эта идея с помощью тех же слов была бы оформлена скорее всего иначе: *Il y a des gens qui s'appliquent trop aux petites choses. Ceux-là deviennent ordinairement incapables des grandes. Или еще проще: Ceux qui s'appliquent trop aux petites choses, ils deviennent ordinairement incapables des grandes.* Местоименный подхват (реприза) облегчает восприятие, напоминает адресату о подлежащем, о синтаксической и семантической соотнесенности сказуемого. Но, видимо, и порождение этим тоже облегчается — говорящий, повторяя подлежащее, возобновляет его грамматический облик и его семантику в собственной памяти¹.

Выше, в § 71, разбирая некоторые типы преобразований, затрагивающих лексико-грамматическую структуру предложения, мы отметили, что фраза *L'architecte qui acheva en 1629 la construction du Palais-Cardinal est Jacques Lemercier* носит несколько более «книжный» характер, чем фраза с обратным порядком компонентов — *Jacques Lemercier est l'architecte qui...* Теперь это можно объяснить: в первой имеется вложенная структура, развернутый неконечный блок, который отсрочивает выполнение грамматических обязательств, связанных с подлежащим, тогда как во второй распространение перемещается в конец.

Итак, спонтанная речь не избегает сложных синтаксических конструкций, развертывающихся последовательно или, как говорят, прогрессивно, т. е. конструкций дискретных, которые распространяются путем присоединения к конечному сегменту фразы каких-то новых синтаксических блоков, непосредственно соотносящихся либо с этим сегментом (например, придаточных определительных или причастных определений), либо с последним предложением в целом (придаточных временных, причинных и пр., а также предложений, связанных с предыдущим сочинительной связью). Такого рода конструкции могут быть распространены, но могут быть и остановлены, не теряя от этого своей структурной целостности. Это объясняется тем, что говорящий берет на себя новые обязательства, связанные с порождением нового предложения, лишь после того, как все предыдущие выполнены; он, так сказать, стремится

¹ О местоименном повторе как средстве облегчить порождение и восприятие устного высказывания см.: *Сиротина О. Б.* Глубина фразы и ее роль в общении // *Язык и общество.* — Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1970. — Вып. 2. *Она же.* Конструкции с плеонастическим местоимением в разговорной речи // *Синтаксис и норма.* — М.: Наука, 1974.

платить наличными, а не покупать в кредит. Спонтанная речь избегает лишь такого усложнения конструкции, которое приводит к существенному увеличению числа грамматических обязательств и (или) к более или менее значительной отсрочке их выполнения.

§ 113. СТРЕМЛЕНИЕ К ПРЕДИКАТИВНОСТИ КАК СВОЙСТВО СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Но и это еще не все. Мы установили, что в спонтанной речи стратегия говорящего должна определяться стремлением избежать трудностей и, в частности, избежать увеличения числа грамматических обязательств и (или) отсрочки их выполнения. Но лучший, самый радикальный способ избежать этих трудностей (по крайней мере для большинства европейских языков) — это изъясняться нераспространенными предложениями (необязательно простыми) с прямым порядком компонентов. Ведь всякое распространение любого неконечного члена фразы увеличивает число грамматических обязательств и (или) задерживает их выполнение. Мы приходим таким образом к гипотезе, что важнейшая внутренняя черта спонтанной речи — это ее *предикативность* или, выражаясь осторожнее, стремление к предикативности.

Эта гипотеза вполне соответствует известному положению Л. С. Выготского о предикативности внутренней речи, поскольку согласно самому же Л. С. Выготскому, в этом отношении «устная речь... занимает среднее место между речью письменной, с одной стороны, и внутренней речью — с другой»¹. В другом месте Л. С. Выготский прямо говорит о свойственной устной речи тенденции к предикативности².

С другой стороны, наше предположение хорошо согласуется с моделью порождения высказывания, предложенной А. А. Леонтьевым. Согласно А. А. Леонтьеву, формирование высказывания проходит через стадии первичных «предикативных пар», из которых затем формируется предложение более сложного состава. В результате этого этапа «мы имеем как бы набор высказываний о предикативных членах. Это будут «высказывания» типа *художник талантлив, картина интересна, между художником и картиной происходит писание*³ (конечно, мы здесь в целях иллюстрации воспользовались обычным языковым кодом). Мы будем дальше говорить в этом смысле о «предикативных парах»⁴.

¹ Выготский Л. С. Мышление и речь // Избранные психологические исследования. — М.: Изд-во МГУ, 1956. — С. 364, 365.

² Там же. — С. 357.

³ Свою мысль А. А. Леонтьев иллюстрирует примером: «Талантливый художник пишет интересную картину».

⁴ Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. — С. 208; см. также: С. 217 и 267. Следует, однако, уточнить,

Логично допустить, что в условиях дефицита времени, стремясь максимально облегчить процесс порождения и восприятия речи, говорящий не производит вообще или производит лишь частично трансформацию предикативных пар в распространенное предложение, т. е. не вводит или вводит лишь часть «малых» предикативных пар в предикативные пары большего объема; минуя полностью или частично этот этап, он подает их «на выход», т. е. оформляет как предикативные синтагмы, более или менее структурированные грамматически¹, и одновременно реализует в звучащей речи. При этом ничто не мешает говорящему последовательно связывать реализуемые предложения в сложные фразы, так как такое связывание может происходить и без предварительного плана.

Оперируя преимущественно нераспространенными или мало-распространенными предложениями, спонтанная речь отражает внеязыковую действительность в виде цепи последовательно развертывающихся и информативно равноценных кадров, каждый из которых передает обычно *одно* отношение элементов действительности, которое и оформляется как отношение предикативное. В противоположность ей неспонтанная, в частности книжная, речь обычно стремится выразить стоящую за ней действительность в форме более или менее развернутых синтетических картин, в которых одно отношение, представляющееся наиболее важным, оформляется как главное предикативное, а остальные — второстепенные, сопутствующие — как атрибутивные или подчиненные предикативные.

Это различие между спонтанной и неспонтанной речью можно проиллюстрировать результатами одного простейшего психолингвистического эксперимента, проведенного автором. Эксперимент заключался в том, что испытуемым (студентам IV курса факультета иностранных языков) предлагалось сначала описать устно, без всякого предварительного обдумывания и не оставаясь, предъявленное им изображение, а затем описать то же изображение на бумаге, уже без ограничения времени. Устные описания фиксировались на магнитной пленке. Приводим два варианта описания одного и того же изображения, сделанные одной из испытуемых:

I (устный). Это букинист, на набережной Сены. Старый. Борода у него очень хорошая... большая... И накидка — черная,

что эти предикативные пары представляют собой, по-видимому, темо-рематические комплексы, а не зачаточные грамматические предложения. Иначе говоря, субъекты этих пар соответствуют темам, а не подлежащим; предикаты — ремам, а не сказуемым. Воплощение коммуникативной структуры высказывания в грамматической структуре предложения происходит или не происходит (см. § 97) на последующих этапах лексико-грамматического развертывания (см.: Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. — С. 210—211).

¹ Менее структурированные в эмоциональной речи, где, как это было показано в § 97, предикация иногда остается на уровне коммуникативной структуры.

широкая... похожа на лошадиную попону. Сидит, задумался, ждет покупателей. А рядом — лоток с книгами.

II (письменный). Старый бородатый букинист в черной накидке, похожей на лошадиную попону, задумчиво сидит, поджидая покупателей, возле своего лотка с книгами на набережной Сены, напротив собора Notre Dame.

Таким образом, оказывается, что для русской спонтанной речи атрибутивное сочетание типа «старый бородатый букинист» мало характерно, по крайней мере, в начале фразы и в функции темы. С этой точки зрения и пример А. А. Леонтьева «Талантливый художник пишет интересную картину» — типично книжный. В живой спонтанной речи это было бы выражено иначе, например: «А что, талантливый парень! Смотри, какую штуку пишет — интересно!» Или, в менее эмоциональном варианте: «Он талантливый художник. Сейчас очень интересную картину пишет».

Но и во французском языке, где прилагательное обычно стоит после существительного, сочетания такого рода в начале спонтанно порождаемой фразы встречаются, как правило, только тогда, когда фраза начинается с ремы. В спонтанной речи существительное-тема в функции подлежащего принимает — да и то нечасто — лишь самые частотные прилагательные — grand, petit, bon, brave. Вообще доля прилагательных-определений в спонтанной речи существенно ниже, чем в неспонтанной, — это одно из проявлений тенденции к предикативности.

§ 114. ОБРАЗЦЫ ФРАНЦУЗСКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Тенденцию к предикативности, свойственную спонтанной речи, можно было бы показать и на уже приведенных (в § 110) примерах. Но лучше для этого использовать более длинные отрезки речи. Приводимые ниже три отрывка взяты из неподготовленных интервью, записанных на пленку. В первом и во втором отрывках интервьюируемые — актеры, в третьем — историк. Паузы колебания отмечаются многоточиями.

I.— A quel moment avez-vous découvert que vous aviez en vous ce don d'acteur?

— Mais je veux dire... j'ai toujours eu envie de faire ce métier. Je ne sais pas ce que c'est que penser que j'aurais pu être autre chose. Et puis, le don... je ne sais pas si je l'ai... En tous les cas, j'ai toujours eu envie de faire ce métier. Et c'est probablement le public qui m'a confirmé que j'avais raison, parce que, quand on est au théâtre, on est en direct avec le public, le public, on le sent, je le sens respirer, je le sens rire, je le sens ému... c'est très important... cela me donne un grand plaisir et un grand bonheur.

Здесь, помимо всего прочего, характерна последняя фраза (Et c'est probablement le public qui...). С точки зрения формаль-

ного синтаксиса она построена достаточно сложно: три придаточных предложения, две степени подчинения. Однако в ней нет ничего, что противоречило бы тенденциям спонтанного синтаксиса; она проще и легче для порождения и для восприятия, чем письменный вариант фразы про букиниста, хотя та формально является простым предложением.

Кроме того, читатель несомненно найдет в этом отрывке множество черт эмоционального синтаксиса, особенно в конце.

II.— Vous êtes un homme du passé ou un homme de progrès?

— Mais oui, je suis un homme de progrès sur moi-même. J'ai le... le... Que je sois un homme du passé, je ne sais pas ce que...

— Mais c'est beau d'interpréter le passé.

— Oui. Mais naturellement... naturellement...

Oui, je crois, je crois en effet que je retrouve dans... dans les œuvres du passé, dans la peinture que j'aime, dans l'architecture que j'aime, je trouve certainement une note, n'est-ce pas, qui est... qui est celle que j'ai envie de donner moi-même, celle qui correspond à... à ce que je veux dire et... et à ce que je veux faire. Oui, bien sûr, je suis dans le passé.

В этом отрывке бросаются в глаза «хезитации» и вообще то, что мы называли выше речевым браком. Характерен также подхват местоимения-подлежащего и глагола после разрознейшей обстоятельственной группы (je retrouve... je trouve...).

III. ... Et c'est elle qui m'a... appris, qui m'a fait connaître l'histoire. Elle tenait à ce que j'aille au château tous les jeudis et tous les dimanches. Et au début je... je traînais un petit peu, ça ne m'amusait pas tellement, mais très rapidement ça m'a emballé et je crois connaître le château de Versailles, je crois connaître le jardin, le parc de Versailles comme peu de gens ont pu le connaître, car j'y allais deux fois par semaine ce qui est tout de même beaucoup. C'est ce qui m'a donné le goût de l'histoire et c'est surtout, je crois, ce que je dois à ma mère.

Главное, что характеризует все три отрывка, то, ради чего они здесь приведены, — это предикативный характер речи: практически все отношения здесь оформлены как отношения предикативные. Если подсчитать среднюю длину простого предложения в каждом из трех отрывков, мы получим 6,1 слова в первом, 6,3 во втором и 6,5 в третьем. Такие же подсчеты, проведенные на литературных неспонтанных текстах, дают среднюю длину простого предложения, близкую к 9, а на материале писем — 8,4.

Для того чтобы еще раз показать разницу между спонтанной и неспонтанной речью, попробуем изложить содержание последнего отрывка так, как это могло бы быть написано в книге:

Pour retrouver la source de ma vocation d'historien, il faut remonter à l'époque de mes visites bihebdomadaires du château et du parc de Versailles vivement encouragées par ma mère, visites plus ou moins forcées d'abord, enthousiastes par la suite, qui m'ont donné une connaissance peu commune des lieux et surtout le goût de l'histoire.

Получилась всего одна фраза — сложноподчиненное предложение с одним-единственным придаточным. Однако, по сравнению с отмеченной выше фразой из первого отрывка (Et c'est probablement le public qui...), содержащей три придаточных с двухступенным подчинением, она намного сложнее и для порождения, и для восприятия.

§ 115. ПЕРВИЧНЫЕ И ПРОИЗВОДНЫЕ СТРУКТУРЫ

Таким образом, мы должны пересмотреть обычные представления о синтаксической сложности неспонтанной речи и простоте спонтанной. Сложность структур, характерных для письменной речи, в особенности для некоторых ее жанров, вовсе не обязательно выражается в обилии сложноподчиненных предложений со многими степенями подчинения. В современном французском языке (да и не только французском) она состоит прежде всего в том, что исходно предикативные отношения оформляются как атрибутивные — предикативные синтагмы свертываются, номинализуются, превращаясь либо в сочетание существительного с прилагательным или причастием (le bouquiniste est vieux → le vieux bouquiniste; ma mère encourageait ces visites → visites encouragées par ma mère), либо в сочетание существительного с другим существительным (j'allais au château → mes visites du château). Вот характерные в этом смысле примеры, которые приводятся в книге Леграна «Stylistique française»¹:

Ils cédèrent parce qu'on leur promit formellement qu'ils ne seraient pas punis → Ils cédèrent à une promesse formelle d'impunité.

Parce que vous manquez de suite dans votre conduite, vous ne réussirez pas → L'inconséquence de votre conduite vous empêchera de réussir.

Parce qu'ils étaient ignorants, ils étaient encore plus orgueilleux → Leur ignorance ajoutait à leur orgueil.

Следствием таких преобразований является существенно большее число производных (отглагольных и отадъективных) существительных в типично неспонтанных текстах по сравнению со спонтанными — таковы, в частности, promesse и impunité в первом примере.

¹ Legrand E. Stylistique française, livre du maître.— P., 1957.

Таким образом, неспонтанность как стилистическая характеристика речи отражается не только в синтаксисе, но и — косвенно — в лексике.

Приведем еще один характерный в этом и в других отношениях текст:

Art. 2. Toute tentative de crime qui aura été manifestée par un commencement d'exécution, si elle n'a été suspendue ou si elle n'a manqué son effet que par des circonstances indépendantes de la volonté de son auteur, est considérée comme le crime même. (Code pénal).

Здесь, помимо ряда отглагольных существительных, представляющих собой свернутые предикативные синтагмы (tentative, commencement, exécution, volonté, и др.), надо отметить существенное распространение группы подлежащего — тремя придаточными предложениями, — в результате которого сказуемое главного предложения оказывается оторванным от управляющего им слова tentative, а вся фраза — недискретной.

Вообще по поводу спонтанной и неспонтанной речи полезно вспомнить то, что было сказано в § 72 относительно первичных и производных структур: первичной, основной моделью предложения следует считать такую, в которой действие или состояние выражается глаголом в личной форме, лица и предметы — существительными, а качества и свойства — прилагательными. С этой точки зрения, подводя итог сказанному в последних трех параграфах, мы можем заключить: спонтанная речь тяготеет к первичным структурам, во всяком случае, оперирует, как правило, структурами меньшей степени производности, чем неспонтанная. Производные структуры характерны для неспонтанной речи, в первую очередь для таких ее жанров, как научная и административная речь. Напомним, что некоторые из производных структур были описаны в главе V (§ 69—71). Теперь мы можем более определенно охарактеризовать их потенциальное стилистическое значение: они *неспонтанны*.

§ 116. ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ СТРУКТУР В НЕСПОНТАННОЙ РЕЧИ

Почему и зачем неспонтанная речь прибегает к производным структурам? Казалось бы, куда как проще — писать так, как люди говорят, без вставлений и номинализаций!

Во-первых, неспонтанная речь не всегда строится сложно — достаточно взять какой-нибудь роман, найти сцену, где описывается ряд быстро сменяющих друг друга конкретных событий, и мы увидим малораспространенные дискретно построенные предложения¹, сходные с теми, какие обнаруживаются в спон-

¹ Об этом см.: Лесский Г. А. О зависимости между размером предложения и его структурой в разных видах текста // Вопр. языкознания.— 1964.— № 3.

танной речи. Иначе говоря, неспонтанная речь *не обязана*, но *имеет возможность* прибегать к сложным для порождения и восприятия конструкциям.

Реализует она эту возможность или нет, зависит от двух факторов: 1) от традиции, т. е. от социально-ролевых установок, от того, как принято писать, порождая тексты соответствующего жанра; 2) от предмета речи и цели высказывания.

О первом из этих факторов мы достаточно говорили в главах I и II (см., в частности, § 11, 13, 26). К сказанному там можно добавить лишь следующее. Устная спонтанная речь эфемерна, ситуативна и прагматична; она чаще всего приурочена к определенной внеязыковой ситуации, имеет смысл только в пределах этой ситуации и не предназначена для длительного хранения (может сохраниться ее смысл, но не форма). Иначе говоря, спонтанная речь и для адресанта, и для адресата — не продукт деятельности, а инструмент, обслуживающий какую-то деятельность более высокого порядка.

В противоположность устной, письменно фиксированная речь становится продуктом деятельности, материальным объектом, который сохраняется и по качеству которого адресат будет судить о субъекте речи. Поэтому, порождая ее, человек одновременно воспринимает ее чужими глазами, предвосхищая оценку адресата. Отсюда значительно большая доля ответственности, более строгий контроль и более строгое соблюдение жанровых канонов.

Теперь бегло рассмотрим второй фактор, способствующий распространению производных конструкций в неспонтанной речи, не забывая, однако, о первом, т. е. не пытаясь объяснить все случаи синтаксического усложнения функциональной целесообразностью.

Прежде всего необходимо учесть, что письменная речь очень грубо и несовершенно передает интонацию, — именно поэтому прочтение письменного текста всегда в той или иной мере является субъективным его истолкованием (см. § 94). Но если субъективное восприятие романа или стихотворения не только допустимо, но и в определенной мере желательно, то субъективное истолкование научного, технического или административного текста надо по возможности исключить.

Субъективное истолкование письменного текста возникает чаще всего за счет «акцентов», т. е. фактически за счет неполной заданности коммуникативной структуры, которая при устной реализации выражается в первую очередь интонационно. Отсюда необходимость в определенном рода текстах строить фразу так, чтобы членение на тему и рему не только не расходилось с грамматическим, но и было бы совершенно четко и недвусмысленно воплощено в нем. Об этом говорилось в § 71 при рассмотрении типа синтаксического преобразования, названного приведением к формуле тождества. Таким образом, первая причина, которая толкает пишущего научный или

административный текст на употребление производных конструкций, — это стремление четко обозначить коммуникативную структуру, чтобы избежать произвольного истолкования.

Вторая причина, фактически того же порядка, что и первая, заключается в том, что пишущий стремится четко установить иерархию отношений, выражаемых в сообщении. Допустим, что имеется следующее высказывание: *Un cyclon s'est abattu hier sur les départements du Nord et du Pas-de-Calais. Il a causé d'importants dégâts matériels qui sont évalués à plusieurs millions.* Сформулированное таким образом, оно представляет собой последовательный рассказ о событии, уместный в том случае, если адресат о нем ничего не знает. Теперь представим себе, что о циклоне уже сообщалось ранее, а главная цель адресанта (журналиста) — сообщить о размерах материального ущерба. Но вместе с тем и напомнить о циклоне надо, поскольку иначе будет просто непонятно, о чем идет речь. Очевидно, в этом случае текст сообщения будет построен уже иначе: *Les dégâts matériels causés par le cyclon qui s'est abattu hier sur le Nord et le Pas-de-Calais sont évalués à plusieurs millions.*

Получилась типично неспонтанная конструкция, причем в данном случае она не избыточна, а необходима, так как устанавливает иерархию отношений и снимает ненужную здесь хронологическую последовательность.

Вообще, надо полагать, последовательность коротких и относительно автономных фраз создает впечатление *временной последовательности* событий, тогда как сложная, иерархически организованная конструкция выражает *отношения*¹.

Вместе с тем проделанная нами перестройка сообщения о циклоне и его последствиях четко фиксировала коммуникативную структуру высказывания: вся группа подлежащего во втором варианте выступает как тема, а группа сказуемого — как рема.

Третья причина использования производных структур в научных и административных текстах заключается в том, что эти тексты часто оперируют более или менее сложными абстрактными понятиями — действиями, состояниями и свойствами, отвлеченными от их конкретных носителей. Как, например, изложить «проще» приведенную в предыдущем параграфе статью из французского уголовного кодекса? Очевидно, для того чтобы сблизить строй этого текста со строем спонтанной речи, пришлось бы ввести субъекта действия (преступления). Но кого сделать этим субъектом? Ведь текст закона должен быть приложен ко всем без исключения. Конечно, можно взять неопределенное местоимение: *Si quelqu'un décide de commettre un crime et qu'il commence à exécuter ce qu'il a décidé de faire...*

¹ Деление высказываний на «коммуникацию событий» и «коммуникацию отношений» предложил шведский ученый Г. Сведелиус (*Svedelius G. L'analyse du langage.* — Uppsala, 1897; см. также: *Лурия А. П.* Цит. соч.).

Но такой путь построения сообщения, во-первых, нисколько не легче, а труднее; во-вторых, сообщение несомненно проиграло бы в точности и в лаконичности, а в-третьих, нарушило бы традицию¹.

Использование производных структур в художественной литературе объясняется в общем сходными причинами: и там бывает необходимо снять хронологию, дать синтетическое описание картины. М. Крессо писал об этом так: «Une suite de phrases courtes peut correspondre à une vision et à une intention du rendu fragmentaires; la pensée s'y forme progressivement, les faits y défilent dans l'ordre chronologique, où ils arrivent à la conscience.

La phrase longue, au contraire, répond à une vision totale et complexe et à une volonté de rendu synthétique»².

Кроме того, и в художественной речи нередки случаи «коммуникации отношений», а также более или менее абстрактные рассуждения.

Таким образом, производные структуры, характерные для неспонтанной речи,— это не излишество, а ценнейший инструмент речевого мышления и речевой коммуникации, который долго и трудно вырабатывался литературой, вообще письменной традицией. Разнообразие и гибкость этих структур — свидетельство развитости национальной культуры и национального языка.

Однако тем менее оправданы злоупотребления производными конструкциями, особенно в устной речи. Каждый преподаватель должен твердо знать и всегда помнить, что письменный текст воспринимается на слух лишь с большим напряжением. Если преподаватель, лектор, докладчик хочет, чтобы его слова были живо восприняты аудиторией, он не должен «говорить как пишет», а тем более монотонно читать по бумажке. Ну, а если мера ответственности слишком велика или если человек не уверен в своей способности связно изложить свои мысли без заранее написанного текста, он должен написать и прочесть этот текст так, чтобы максимально облегчить слушателям процесс восприятия. Как прочитать — это тоже очень важно. Только выразительная интонация может спасти письменный текст, реализуемый устно.

§ 117. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Выше, в § 41, было сказано, что спонтанная речь выступает как немаркированный член оппозиции спонтанность — неспонтан-

¹ Характерно, что примерно так писались законы в средние века, когда синтаксис письменной речи не был еще достаточно разработан и во многом повторял синтаксис устной речи. Так, например, в «Законнике Вильгельма Завоевателя» (предположительно, XII век) читаем: Si hom ocist autre et seit cuinnissant e il deive faire les amendes, durrad de sa manbote al seinur pur le franch hime. x. sol., et pur le serf. XX. sol. (цит. по: Шишмарев В. Ф. Книга для чтения по истории французского языка. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 77).

² Cressot M. Op. cit. — P. 207.

ность, а неспонтанная — как маркированный. Это верно в отношении *внутренних* свойств спонтанной и неспонтанной речи: неспонтанная речь может использовать конструкции, характерные для спонтанной, а спонтанная не может использовать типично неспонтанные модели предложений — такие, порождение которых без материальной опоры и восприятие на слух затруднены.

Однако и подлинно спонтанная речь обладает своей спецификой, т. е. свойствами, почти совершенно чуждыми неспонтанной речи,— мы имеем в виду *внешние* черты спонтанного синтаксиса, всевозможный «речевой брак».

Остаются теоретически возможные и встречающиеся (хотя и редко) на практике случаи, когда, с одной стороны, речь лишена внешних черт спонтанности, а с другой — явных черт неспонтанности. Очевидно, в таких случаях надо говорить о *нейтрализации*, оппозиции спонтанность — неспонтанность. Кстати говоря, этими свойствами часто обладает такой речевой жанр, который и в самом деле не поддается однозначному определению,— речь литературных персонажей. Пример можно заимствовать практически из любого текста второй половины XIX—XX века; мы возьмем его из детективного романа 50-х гг.— такого, в котором диалоги персонажей достаточно близки к подлинной разговорной речи.

J'étais comme les autres. Moi qui n'avais jamais eu le temps de penser aux femmes, je trouvais comique de recevoir des lettres. Comique et un peu troublant. Il y avait, à Lyon, une inconnue qui s'intéressait à moi. Cela ressemblait à une blague et à un conte de fée. Tu vois ce que je veux dire? Les copains, souvent, quand ils répondaient à leurs marraines, truquaient la vérité, se faisaient passer pour des fils de famille, ou des champions, ou des richards. Ça ne tirait pas à conséquence et, sur le moment, c'était excitant comme un film dont on aurait joué le premier rôle.

(Boileau, Narcejac).

По количеству слов, приходящихся на одно элементарное предложение (7,5), этот пример не слишком отличается от приведенных выше, в § 114. И однако он выглядит более литературным, приглаженным, чем подлинные образцы спонтанной речи. Это объясняется тем, что в романе Буало и Нарсежака, как и вообще в современной литературе, довольно точно воспроизводятся внутренние свойства спонтанной речи, в частности, ее стремление к предикативности, но чрезвычайно скупо отражены явления «речевого брака». Последние, если они и возникают в художественном тексте, всегда несут определенную смысловую нагрузку (см. пример из Сартра, приведенный в § 16).